

УДК [94:001](476) «1941/1945»

UDC [94:001](476) «1941/1945»

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ACADEMIC SCIENCE OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Г. В. Корзенко,
*доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
социальной работы Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка;*

G. Korzenko,
*Doctor of Historical Sciences,
Full Professor, Professor of the
Department of social work,
Belarusian state pedagogical
university named after Maxim Tank*

С. А. Жук,
*аналитик Отделения по Брестской
области Белорусского института
стратегических исследований*

S. Zhuk,
*post-graduate student
of the Department of General History
of Brest State University*

Поступила в редакцию 21.05.2024.

Received on 21.05.2024.

В статье проанализированы особенности и характерные черты работы АН БССР в период Великой Отечественной войны. Установлены особенности формирования академических структур в период эвакуации, причины, повлиявшие на перевод Академии наук в Москву. Выявлены факторы, не позволившие в полной степени реализовать проекты укрепления научного потенциала в московский период эвакуации. Рассмотрены условия, этапы и особенности процесса реэвакуации АН БССР. На основе публикаций и архивных источников показаны механизмы возвращения работников и учреждений в Минск, рост кадрового потенциала минской группы Академии.

Ключевые слова: организация науки, академическая наука БССР, эвакуация, научный потенциал, Великая Отечественная война.

The article analyzes the features and characteristic features of the work of the Academy of Sciences of the BSSR during the Great Patriotic War. The peculiarities of the formation of academic structures during the evacuation period are established. The reasons that influenced the transfer of the Academy of Sciences to Moscow have been established. The factors that did not allow the full implementation of projects to strengthen scientific potential during the Moscow evacuation period were identified. The conditions, stages and features of the process of re-evacuation of the Academy of Sciences of the BSSR are reconstructed. Based on publications and archival sources, the mechanisms of the return of workers and institutions to Minsk, the growth of the personnel potential of the Minsk group of the Academy are shown.

Keywords: organization of science, academic science, evacuation, scientific potential, The Great Patriotic War.

Введение. Социальный заказ на определение роли белорусского народа в Великой Отечественной войне способствует расширению исследований в области изучения не только событий на фронтах, борьбе партизан и подпольщиков, политики оккупационных властей, но и вклада советского тыла в достижение победы.

Великая Отечественная война стала значимым этапом в развитии белорусской академической науки. Несмотря на это, исследователи достаточно схематично анализировали процессы ее эвакуации. Например, Н. И. Гращенков в брошюре «Развитие науки в БССР за 30 лет» (1949 г.) ограничивался общими словами о «тяжелых испытаниях» научного учреждения в период Великой Отечественной войны и о героизме сотрудников на фронтах и в ты-

лу [1]. Подобные оценки давались в многочисленных юбилейных статьях, опубликованных в сборнике «Наука в БССР за 30 лет» [2]. В работах по истории АН БССР обращался В. Ф. Куревич, не только повторивший традиционные оценки, но и сделавший вывод о сложности выполнения плановых НИР в период эвакуации [3]. Гораздо более подробно история АН БССР первой половины 1940-х гг. рассмотрена в «Академии наук БССР» (1979 г.), где установлены характерные черты развития Академии наук в период войны [4, с. 13]. В последующие годы при подготовке работ по истории науки в Беларуси, за исключением монографии Н. В. Токарева «Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945)» (1988 г.), большинство эмпириче-

ских данных и оценок в основном повторяли идеи исследования, приуроченного к 50-летию АН БССР.

В середине 2000-х гг. Н. В. Токаревым и В. И. Кузьменко проведено исследование по истории белорусской интеллигенции периода Великой Отечественной войны, результатом которого стала изданная в 2008 г. монография «Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941–1944 гг.)», которая более подробно рассматривала вопросы социально-бытового обеспечения белорусских ученых в условиях эвакуации [5].

Основная часть. Стремительное продвижение оккупантов в первые дни войны не позволило вывезти лабораторное оборудование, реактивы, семенной фонд и значительную часть архивного фонда, а также материалы научных исследований, в том числе рукописи диссертаций и монографий. Большинство работников выбиралось на восток самостоятельно, централизованное управление процессом не представлялось возможным. Таким образом, ввиду быстрого продвижения на восток немецких войск системной эвакуации АН БССР не было проведено. Только 7 июля 1941 г. Советом по эвакуации при СНК СССР принято решение о концентрации сотрудников АН БССР в Ташкенте, чтобы там в перспективе восстановить работу [6, с. 94]. Однако в полном объеме его реализация была крайне затруднена. Формирование первых академических «островков» на неоккупированных территориях в значительной степени носило стихийный характер.

Значительная часть ведущих ученых (академики и членов-корреспондентов) избежали тягот отступления на восток в связи с тем, что постоянно работали в столичных городах. Так, в Москве на конец 1940 г. проживали академики Н. С. Акулов (физика), Е. К. Алексеев, О. К. Кедров-Зихман (сельское хозяйство), С. Н. Вышелесский (ветеринария), А. Р. Жебрак (генетика), Г. Ф. Мирчинк (геология), В. С. Немчинов (экономика), А. М. Панкратова, В. И. Пичета (история), члены-корреспонденты И. Г. Блох, В. Г. Горячкин, В. Е. Раковский (торфование), А. И. Кайгородов (климатология), Б. К. Климов (органическая химия), А. М. Жирмунский (геология) [7, л. 1–10]. Еще не менее 8 – в Киеве, Харькове, Смоленске, Ленинграде. Как ни парадоксально это может звучать, но в недостаточной степени успешная политика Академии наук БССР по привлечению ведущих ученых для постоянной работы в Минске в мирное время в условиях войны оказала сильное позитивное влияние на сохранение научного потенциала.

АН БССР в первые дни войны оказалась в тяжелейшем среди республиканских академий положении: полностью потеряна лабораторная и опытно-экспериментальная база, эвакуация сотрудников была слабо управляемой, за исключением отдельных академиков и членов-корреспондентов, работавших в Горецкой сельскохозяйственной академии. Для сравнения – АН УССР была организованно эвакуирована практически полностью. Определенные аналогии можно провести только с Академией наук Литовской ССР, которая, правда, была организована только в феврале 1941 г. и значительно уступала потенциалу АН БССР. До конца 1941 г. исследования фактически не проводились, а органы управления и научные учреждения не функционировали. Однако в качестве позитивной тенденции следует отметить начало процесса формирования групп сотрудников в различных городах СССР на базе НИИ и вузов.

Возобновление работы АН БССР в условиях эвакуации являлось важной государственной задачей. Это позволяло объединить усилия ученых для выполнения стратегических задач в сфере повышения обороноспособности СССР и идеологической и пропагандистской работы. При активной поддержке органов союзной и республиканской власти в начале 1942 г. были проведены первые организационные мероприятия по восстановлению академической науки. В январе 1942 г. в Ташкенте впервые собрался Президиум АН БССР, на котором было принято решение о необходимости проведения Сессии общего собрания, состоявшейся в Казани в марте [8]. В соответствии с принятыми решениями Совнарком БССР утвердил штатное расписание (80 единиц) и годовую смету [6, с. 112]. Обратим внимание на то, что штатное расписание формировалось с некоторым «запасом» (по косвенным данным можно судить, что летом 1942 г. в составе Академии трудились 40–45 человек с учетом административного персонала), что позволяло проявлять определенную гибкость кадровой политики. Основными источниками пополнения кадров стали работники, потерявшие связь с Академией во время перемещения на восток и отозванные из рядов действующей армии (К. К. Атрахович, М. Т. Лыньков, И. В. Гуторов и другие).

На мартовской Сессии 1942 г. было согласовано решение о необходимости продолжения концентрации кадров в Узбекской ССР. Но ситуация не изменилась кардинально. Красно речиво об этом свидетельствует работа Президиума в Москве [9, л. 80]. С одной стороны, ресурсов для перевода имевшихся научных сил так далеко в Среднюю Азию было недо-

статочно. С другой, в 1942 г. ряды работников Академии пополнялись, вокруг ведущих ученых образовывались группы, образуя «академические островки». Ташкент являлся крупным центром сосредоточия научных сил страны. Здесь работал Узбекский филиал АН СССР, бывший до войны одним из ведущих среднеазиатских исследовательских центров. В Узбекистане разместились Сейсмологический институт, Симнейская обсерватория, Главная астрономическая обсерватория, Почвенный и ряд институтов, работающих в области общественных наук. Сюда были эвакуированы 16 высших учебных заведений, преподавательские кадры включали 154 профессора, 208 доцентов, 167 ассистентов. Кроме того, в республику были эвакуированы институты: Киевский индустриальный, Харьковский сельскохозяйственный, Харьковский химико-технологический и др. В Ташкенте были сосредоточены такие научные учреждения, которые в годы войны сыграли существенную роль в развитии производительных сил Узбекистана. Там были представлены важнейшие отрасли советской науки – геология, минералогия, почвоведение, астрономия, метеорология, гидроэнергетика, электротехника, химия, медицина, экономика, право, литературоведение и востоковедение. Работали крупнейшие ученые, известные во всем мире¹. В этом творческом коллективе эффективно сотрудничали белорусские историки и химики под руководством вице-президента С. М. Липатова [10, с. 11].

В Новосибирске членом-корреспондентом В. В. Поповым проводились изыскания в области геодезии, в Куйбышеве на базе педагогического института продолжили исследования Б. В. Ерофеев и А. М. Розин, а в Казани на базе эвакуированной АН СССР работали группы Б. К. Климова и М. М. Павлюченко [4, с. 51–53; 10, л. 42]. Рассеяны оказались и медики: А. Я. Прокопчук проводил НИР в области профилактики и лечения гнойных заболеваний в Душанбе, а Д. М. Голуб изучал механизмы восстановления нервных стволов при обширных ранениях в Иркутске.

В течение года удалось несколько нормализовать работу Академии наук. Президиум начал систематически выполнять свои управленческие функции, о чем можно судить только по косвенным данным, т. к. протоколы заседаний либо не велись, либо не сохранились. Систематически начала выплачиваться заработная плата, которая перечислялась либо через конторы Госбанка СССР, либо через «ку-

рьеров» – сотрудников, перемещавшихся между городами, где работали группы ученых [11, л. 55; 12, л. 80].

В течение 1942 г. предпринимались попытки концентрации научных кадров в одном из городов на востоке СССР. Продолжалась работа по созданию необходимых условий для завершения сосредоточения Академии в Узбекистане. Так, в сентябре 1942 г. нарком просвещения БССР Е. И. Уралова выезжала в Ташкент с задачей достичь соглашения об улучшении материально-бытовых условий сотрудников [6, с. 104]. В августе постановлением ЦК КП(б)Б принято решение «местом пребывания АН БССР временно установить Самарканд» [13, л. 53]. Это диктовалось новым наступлением захватчиков летом 1942 г. Определение Самарканда, скорее всего, связано с тем, что руководством Узбекской ССР были изысканы площади для размещения Академии наук. После стабилизации фронта и проведения успешных контрнаступательных операций осенью-зимой 1942 г. перемещение Академии наук в Самарканд потеряло свою актуальность, и от проекта было решено отказаться.

С лета 1942 г. руководящими работниками Академии (К. В. Горев, Якуб Колас, В. И. Шемпель) осторожно высказывались идеи о необходимости скорейшего восстановления исследовательских учреждений АН БССР, имевшего как научное и прикладное, так и имиджевое значение: возобновление ее деятельности встраивалось в дискурс государственной пропаганды о «живущей и сражающейся Советской Белоруссии». Уже в ноябре 1942 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление «О возобновлении работы Института торфа Академии наук БССР» [13, л. 275], где отмечалось, что основными направлениями деятельности исследовательского учреждения должны были стать разработка технологий переработки торфа для получения масел, моторного топлива и фенолов, модернизация заводских установок по использованию торфа, вопросы механизации торфодобычи и химии торфа [13, л. 276]. Разместить его планировалось в Москве на базе лаборатории Института торфяной промышленности и полужаводских установок опытной станции, расположенных на станции Редькино в Калининской области [13, л. 279]. Институт торфа стал первым научным учреждением, возобновившим свою деятельность в период Великой Отечественной войны. Относительно других направлений работы торфопроизводство находилось в менее критичной ситуации: в составе АН БССР продолжали работать квалифицированные сотрудники (И. Г. Блох, В. Г. Горячкин, В. Е. Раковский), имелась лабораторная

¹ См.: Левшин, Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны / Б. В. Левшин. – М. : Наука, 1983. – С. 42–43.

и опытно-экспериментальная база. Исследования диктовались, прежде всего, важнейшей ролью торфа как энергоносителя для БССР в это время.

С начала 1943 г. актуализировалась проблема полноценной концентрации и возобновления работы научно-исследовательских учреждений и вузов республики. По вопросу размещения и путей восстановления АН БССР проводится дискуссия на уровне республиканского ЦК. В частности, предлагалось либо продолжить концентрировать кадры в Ташкенте и Самарканде, либо перевести учреждения в Казань, где тогда находилась АН СССР (проект предлагался К. В. Горевым) или Горький (идея заместителя председателя СНК И. А. Крупени). Однако наиболее реалистичной виделась перспектива перевода Академии в Москву [14, л. 11]. Во-первых, успехи советских войск на фронтах обезопасили столицу страны, во-вторых, работали органы власти республики, в-третьих, там уже находилось более трети сотрудников и функционировал Президиум.

Это принципиальное решение получило поддержку со стороны сотрудников. В апреле 1943 г. принимается постановление ЦК КП(б)Б «О размещении Академии наук БССР», согласно которому местом базирования определялась станция Водники (Краснополянский район Московской области) и комплекс сооружений Московского дома агронома [15, л. 123]. Процесс утверждения этого решения союзными органами затягивался. Поэтому летом 1943 г. по инициативе П. К. Пономаренко, одновременно возглавлявшего тогда Центральный штаб партизанского движения, Академии наук передавался во временное пользование комплекс зданий в Москве по Чапаевскому переулку (здание школы, жилые бараки), где ранее размещалась разведшкола БШПД [16, л. 93]. В начале того же года Президент К. В. Горев не менее двух раз обращался в ЦК с просьбой освободить от занимаемой должности. В феврале просьба была удовлетворена, а председателю СНК И. С. Былинскому, председателю Президиума Верховного Совета БССР Н. Я. Наталевичу и секретарю ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунову поручалось подобрать кандидатуру главы белорусской академии [15, л. 43]. В марте бюро ЦК КП(б)Б утвердило Президентом академика А. Р. Жебрака [13, л. 63], но ЦК ВКП(б) не утвердил это решение. Вместе с тем состав Президиума был частично обновлен за счет академиков О. К. Кедрова-Зихмана и А. Р. Жебрака.

Таким образом, на этом этапе обеспечивалась устойчивость и стабильность управления Академией наук, получены помещения для

размещения сотрудников, что позволило ускорить процесс собирания научных сил и восстановления организационной структуры. Научные исследования проводились в основном на базе московских НИИ и вузов (Московский торфяной институт, Менделеевский химико-технологический институт, Тимирязевская сельскохозяйственная академия, Всесоюзный институт агрохимии, МГУ, Московский научно-исследовательский текстильный институт, Московский институт спиртовой промышленности и др.).

Во время московского периода была продолжена работа по собиранию научных кадров. Так, на 1 июля 1944 г. в Академии наук трудилось 139 человек, из них 124 научных сотрудника (в том числе 64 старших¹ и 21 младший) [16, л. 1–8]. К лету 1944 г. в Москве удалось сконцентрировать большую часть ведущих научных сотрудников – академиков и членов-корреспондентов, что стало возможно не только благодаря управленческим решениям Академии наук (оплата проезда и проживания в гостинице, поиск работы в НИИ и вузах), но и в силу объективных процессов возвращения домой ученых, постоянно проживавших в Москве [17]. Небольшая часть трудилась в Новосибирске и Ярославле («ярославская группа медиков»), где начал работать восстановленный Минский мединститут.

Успехи позволили поставить вопрос о дальнейшем восстановлении организационной структуры АН БССР. В течение 1943 г. вновь организованы Отделения общественных наук, технических наук (октябрь), естественных и сельскохозяйственных наук (ноябрь) [4]. В состав первого входили группы истории, экономики и литературы [18]. Отделение технических наук включало Институт торфа (директор член-корреспондент В. Е. Раковский) и самостоятельные лаборатории физикохимии коллоидов (академик С. М. Липатов), кинетики и катализа (академик Б. В. Ерофеев), технической физики (академик Н. С. Акулов). Базовым учреждением Отделения естественных и сельскохозяйственных наук являлся Институт социалистического сельского хозяйства (ИССХ), в его составе находились группы геологии, мелиорации, водохозяйствования и метеорологии [19, л. 46].

В марте 1944 г. Президиум принял решение о создании музея Янки Купалы, директором которого назначена вдова покойного В. Ф. Луцевич. 30 мая 1944 г. по инициативе К. В. Горева группа литературы реорганизована в Институт

¹ В условиях эвакуации на должности старших научных сотрудников систематически принимались лица, не имевшие ученой степени кандидата наук и (или) научного звания старшего научного сотрудника или доцента.

литературы и языка белорусского народа, который через несколько недель в рабочем порядке переименован в ИЛЯИИ. На повестке дня стояла реорганизация группы истории в институт. С этим предложением на заседании Президиума 16 июня 1944 г. выступил Н. М. Никольский. Он получил поддержку К. В. Горева и О. К. Кедрова-Зихмана. В течение июля 1944 г. все принятые решения были утверждены ЦК КП(б)Б [20, л. 11,12]. Во время обсуждения П. К. Пономаренко акцентировал внимание на перспективах заполнения штатов квалифицированными работниками [20, л. 47]. 31 октября 1944 г. в соответствии с решениями ЦК возобновил работу Институт экономики (организован на базе одноименного сектора и лаборатории А. Н. Лозового).

31 октября 1944 г. ЦК КП(б)Б утверждена структура АН БССР в составе Отделения общественных наук (Институты истории и экономики, литературы, языка и искусства), ОИ (Институты химии, торфа, Физико-техническая лаборатория), Отделения естественных и сельскохозяйственных наук (Институты социалистического сельского хозяйства, теоретической и клинической медицины, геологических наук, Водно-хозяйственная группа, Ботанический сад) [20, л. 35]. Реэвакуация стала частью повестки дня органов управления АН БССР к весне 1944 г. ввиду неизбежности освобождения Беларуси.

В июле-августе 1944 г. Президиумом проводилась работа по организации мероприятий по переводу учреждений АН БССР в Минск. С целью ознакомления с реальным положением дел были направлены семь человек: три научных сотрудника и четыре технических работника. На непродолжительное время в августе выезжали член-корреспондент, директор института языка, литературы и искусства М. Т. Лыньков, член-корреспондент К. К. Крапива, ученый секретарь В. И. Шемпель.

5 августа 1944 г. в Москве на заседании Президиума АН БССР с участием руководителей структурных подразделений рассматривались мероприятия по подготовке реэвакуации Академии наук. Участники выказали единодушное понимание необходимости проведения этого процесса в максимально краткие сроки. Поддержал Президента директор Института истории Н. М. Никольский, предложивший «как можно быстрее уезжать в Минск» [21, л. 74].

Руководство Академии ставило целью скорейшее возвращение в Минск к зиме по ряду причин. Среди них стремление как можно быстрее сконцентрировать весь научный потенциал в столице республики с тем, чтобы раз-

вернуть полноценные исследования. Сыграло свою роль и нежелание проводить еще одну зиму в стесненных материально-бытовых условиях. Определению сроков способствовала недостаточная информированность о масштабах ущерба и разрушений главного корпуса.

По поручению Президиума общее руководство реэвакуацией возлагалось на академика В. Н. Лубяко, последний должен был перебраться на постоянное место жительства в Минск. Изначально предполагалось поручить это академику А. Р. Жебраку и академику О. К. Кедрову-Зихману. Поскольку требовалось постоянное нахождение в Минске, последние две кандидатуры не вполне отвечали специфике предполагаемой деятельности: А. Р. Жебрак по совместительству заведовал кафедрой генетики МСХА им. К. А. Тимирязева, а О. К. Кедров-Зихман руководил лабораторией известкования почв Всесоюзного НИИ удобрений и агропочвоведения. К тому же он страдал хроническими заболеваниями, препятствовавшими долговременным командировкам.

К активной фазе реэвакуации приступили в конце 1944 – начале 1945 г., что и объясняет наибольшее количество командировок. В этот период просматривалась тенденция изменения качественной структуры командированных. Если сентябре-ноябре 1944 г. более 80 % составлял административно-технический персонал (бухгалтеры, кассиры и др.), а также техники и рабочие, то в январе-феврале до 50 % – руководители структурных подразделений, включая академиков и членов-корреспондентов. Эта тенденция объясняется тем, что осенью 1944 г. требовались специалисты для оценки последствий оккупации и приведения зданий в пригодное состояние. К середине первого квартала 1945 г. большинство технических работников Академии и рабочих, находившихся в эвакуации, были переведены в Минск для дальнейшего благоустройства сооружений.

Постепенное приведение зданий в пригодное для научно-исследовательской деятельности состояние послужило началом развертывания научных исследований и требовало нахождения руководства Академии. В январе 1945 г. в командировку сроком на 30 дней выехал Президент К. В. Горев (на основании его телеграммы продолжена до 45 дней). Документы делопроизводства Президиума позволяют сделать вывод, что он в конце февраля 1945 г. уже на постоянной основе работал в Минске. В его отсутствие в Москве деятельностью Академии руководили: член Президиума А. Р. Жебрак и академик-секретарь Отделения естественных и сельскохозяйственных

наук О. К. Кедров-Зихман). Непродолжительное время (I квартал) исполняющими обязанностями Президента являлись академики А. Р. Жебрак и В. Н. Лубяко. В течение этого времени практически все академическое руководство побывало в столице Беларуси. Так, только в начале февраля 1945 г. на 30–40 дней выезжали академики Ю. А. Вейс, А. Р. Жебрак, В. Н. Лубяко, ученый секретарь В. И. Шемпель, член-корреспондент В. К. Климов.

Негативное влияние на процесс реэвакуации оказывали серьезные масштабы разрушений, понесенные АН БССР в период оккупации и во время боев за освобождение. В непригодном для размещения научных учреждений состоянии находились Главный и Лабораторный корпуса, серьезный урон получили материально-техническая база опытной станции «Устье» и Ботанического сада (оранжерея и вегетационный павильон), был полностью разрушен опытный торфогидролизный завод (так и не будет восстановлен).

Ряд помещений были заняты сторонними учреждениями: складами Белглавснаба, местами размещения пленных немцев Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) ГУЛАГ, военными складами (находились в ведении Белорусского военного округа), гаражами спецторга НКВД БССР. Дополнительно в здании Главного корпуса размещались Истпарт, Республиканское общество по распространению политических и научных знаний, контора опытных установок Министерства местной и топливной промышленности, Внитомаш, гидрологическая экспедиция, Белгипроводхоз, редакция газеты «Физкультурник Белоруссии».

Таким образом, к периоду окончания Великой Отечественной войны реэвакуация АН БССР не была завершена.

Заключение. В связи с быстрым продвижением немецких захватчиков и оккупацией Минска организованной эвакуации АН БССР проведено не было. Как результат – низкое каче-

ство управленческих решений по концентрации кадров в столице Узбекской ССР – Ташкенте. В этих условиях формирование «академических групп» в различных городах страны определялось, скорее, субъективными факторами и происходило вокруг ведущих ученых. Значительная часть академиков и членов-корреспондентов избежали эвакуации первых дней войны, так как постоянно работали в Москве и других городах, что стало существенным фактором сохранения кадрового потенциала.

Активизация работы по концентрации научных сил АН БССР относится к 1942 – началу 1943 г., что связано как с необходимостью координации НИР, укрепления кадрового потенциала, так и с событиями на фронтах Великой Отечественной войны. Варианты сосредоточения научных сил в Самарканде, Горьком, Казани имели ограниченный потенциал для ускоренного восстановления. Оптимальным решением стала Москва, однако основным недостатком проекта являлось отсутствие площадей для размещения сотрудников и учреждений.

К осени 1944 г. были восстановлены все три Отделения АН БССР и большинство исследовательских учреждений. Важность и необходимость возобновления научных исследований в Беларуси после освобождения определило необходимость быстрой реэвакуации. Дополнительным фактором, ускорившим перевод сотрудников и учреждений в Минск, стали материально-технические и бытовые сложности в период эвакуации в Москве. Первичным для Минской группы летом – осенью 1944 г. стало восстановление на работе находившихся на оккупированных территориях, а из Москвы в столицу БССР сотрудники приезжали в основном в командировки. В первом квартале 1945 г. наблюдается рост Минской группы, возвращается руководство Академии, институтов и групп. Однако к окончанию Великой Отечественной войны этот процесс завершён не был.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гращенко, Н. И. Развитие науки в БССР за 30 лет / Н. И. Гращенко. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1949. – 42 с.
2. Наука в БССР за 30 лет / Н. И. Гращенко [и др.] ; под ред. Н. И. Гращенкова. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1949. – 594 с.
3. Купревич, В. Ф. Академия наук Белорусской ССР: исторический очерк / В. Ф. Купревич. – Минск : Изд-во АН БССР, 1957. – 150 с.
4. Академия наук БССР / Н. А. Борисевич [и др.] ; под ред. Н. А. Борисевича. – Минск : БелСЭ, 1979. – 598 с.
5. Кузьменко, В. И. Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси (1941–1944 гг.) / В. И. Кузьменко, Н. В. Токарев. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 132 с.

REFERENCES

1. Grashhenkov, N. I. Razvitie nauki v BSSR za 30 let / N. I. Grashhenkov. – Minsk : Gos. izd-vo BSSR, 1957. – 42 s.
2. Nauka v BSSR za 30 let / N.I. Grashhenkov [i dr.] ; pod red. N. I. Grashhenkova. – Minsk : Gos. izd-vo BSSR, 1949. – 594 s.
3. Kuprevich, V .F. Akademija nauk Belorusskoj SSR: istoricheskiy ocherk / V. F. Kuprevich. – Minsk : Izdatel'stvo AN BSSR, 1957. – 150 s.
4. Akademija nauk BSSR / N. A. Borisevich [i dr.]; pod red. N. A. Borisevicha. – Minsk : Belarus. sov. jenciklopedija, 1979. – 598 s.
5. Kuz'menko, V. I. Politika nemecko-fashistskih okkupacionnyh vlastej v otnoshenii nauchnoj intelligencii Belarusi (1941–1944 gg.) / V. I. Kuz'menko, N. V. Tokarev. – Minsk : Belorusskaja nauka, 2008. – 132 s.

6. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945) / Н. В. Токарев. – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.
  7. Центральный научный архив НАН Беларуси (далее – ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Д. 78. Л. 24.
  8. Материалы мартовской сессии Академии наук Белорусской Советской Социалистической Республики: (12–13 марта 1942 г.): город Казань: [сборник] / Академия наук БССР. – М. : Молодая гвардия, 1942. – 126 с.
  9. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 83. Л. 80.
  10. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 85. Л. 42.
  11. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 86. Л. 55.
  12. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 87. Л. 80.
  13. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 2. Л. 291.
  14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 47а. Д. 6. Л. 352.
  15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 3. Л. 266.
  16. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 93. Л. 112.
  17. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 433. Б/н.
  18. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 95. Л. 103.
  19. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 88а. Л. 46.
  20. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 72. Л. 242.
  21. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 96. Л. 23.
6. Tokarev, N. V. Akademija nauk Belorusskoj SSR: gody stanovlenija i ispytanij (1929–1945) / N. V. Tokarev. – Minsk : Nauka i tehnika, 1988. – 264 s.
  7. Central'nyj nauchnyj arhiv NAN Belarusi (dalee – CNA NAN). – F. 1. D. 78. L. 24.
  8. Materialy martovskoj sessii Akademii nauk Belorusskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki: (12–13 marta 1942 g.): gorod Kazan': [sbornik] / Akademija nauk BSSR. – M. : Molodaja gvardija, 1942. – 126 s.
  9. CNA NAN. – F. 1. D. 83. L. 80.
  10. CNA NAN. – F. 1. D. 85. L. 42.
  11. CNA NAN. – F. 1. D. 86. L. 55.
  12. CNA NAN. – F. 1. D. 87. L. 80.
  13. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (dalee – NARB). – F. 4p. Op. 81a. D. 2. L. 291.
  14. NARB. – F. 4p. Op. 47a. D. 6. L. 352.
  15. NARB. – F. 4p. Op. 81a. D. 3. L. 266.
  16. CNA NANB. – F. 1. D. 93. L. 112.
  17. CNA NANB. – F. 1. D. 433. B/n.
  18. CNA NANB. – F. 1. D. 95. L. 103.
  19. CNA NANB. – F. 1. D. 88a. L. 46.
  20. NARB. – F. 4p. Op. 61. D. 72. L. 352.
  21. CNA NANB. – F. 1. D. 96. L. 23.